

литель млекопитающих СССР». Толстый труд, почти 500 страниц, выдержал два издания. У него три автора: Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов и я. Определитель необходим биологу, как ружье охотнику или фотоаппарат фотожурналисту. В мировой систематике наша страна представлена на должной высоте. Труд «Летучие мыши» я начал писать в 19 лет. За него получил докторскую степень. Отдельной книгой вышло мое пособие «Зоогеография СССР».

— *Большой популярностью у читателей пользуется многотомный труд «Жизнь животных». Как дела с его переизданием?*

— Первое издание вышло в 1969-1971 годах и составило шесть томов. Второе, переработанное, запланировано в семи томах на 1983-1989 годы. Первым вышел IV том. Тираж его 300 тысяч, а желающих получить оказалось более миллиона.

Газета «Неделя», № 33 (1377) 1986, с. 4-5

«Учитель, воспитай ученика!» (Встреча с интересным человеком)

К. Хромова

*Александр Петрович КУЗЯКИН,
доктор биологических наук,
профессор Московского областно-
го педагогического института имени
Н. К. Крупской*

*Ученики... В этом качестве люди
пребывают относительно недолго.
И то, какие человеческие качества
приобретут они за это время, каки-
ми специалистами уйдут в самостоя-
тельную профессиональную жизнь,
во многом зависит от учителя, от его
авторитета. При этом именно они,
ученики, составляют гордость его,
и славу.*

*С Александром Петровичем мы
встретились в августе, когда он был
в отпуске. Но в его квартире даже
в это время толпились студенты. Я заметила, как любят и уважают они
своего профессора. Нелегко, наверное, было заслужить такой авторитет...*

- Тридцать пять лет преподаю я в вузе и ни разу не назвал студента на «ты». Отношусь к ним, как к взрослым людям, достойным уважения. Не отталкиваю невниманием, не принижая человеческого достоинства — это главное. Стараюсь повысить их интерес к науке, к изучению предмета, помогаю им стать настоящими специалистами.

— Дома у вас перебивали и продолжают приходить, приезжать студенты разных поколений.

— Они видят, как я работаю с книгой. Охотно пользуются моей специальной и справочной библиотекой, коллекциями: бабочек, рукокрылых, грызунов, насекомых⁷. И каталогами коллекций, папками с материалами по научной теме, чего подчас не найдешь и в библиотеках. Они видят, что все время я занят, и плоды моей занятости — опубликованные труды. И новички включаются в ту же работу. Все мои воспитанники научились самостоятельно работать с литературой и коллекционным материалом. Особенно это важно в сельской школе, где нет специальной литературы и не к кому обратиться за консультацией.

— Александр Петрович, а как вы относитесь к наставничеству?

— В вузах, к сожалению, укоренилась подготовка студентов «валом». Придет преподаватель на лекцию, после звонка уходит, и на этом его контакт со студентами кончается. Очень правильна нынешняя ориентация на индивидуальное обучение студентов. Из собственного многолетнего опыта знаю, что это действительно рациональная форма работы. Могу обеспечить руководство 10-12 студентам. Если бы и другие преподаватели взяли под свое руководство хотя бы по 2-3 студента, вот и было бы неформальное обучение.

— Много лет подряд вы отправлялись в экспедиции вместе со студентами. Как эти поездки влияли на становление личности будущих специалистов?

— Сказали бы сейчас: «Езжайте с Сашей Сорокиным», — я ответил бы: «С удовольствием и куда угодно, на любой срок — надежный человек».

В Туве, когда мы вернулись из «ночного похода», увидели, что наши палатки сгорели. Ни одежды, ни пищи, ни паспортов, ни денег на билеты не оказалось. Конечно, мы не растерялись, нашли выход из сложнейшей ситуации. Но мне понравились выдержка, хладнокровие Татьяны Чистой и Ольги Барышевой.

Во время третьей поездки мы жили в сельской школе. Новички вернулись «со сборов», обожженные солнцем, ободранные колючками шиповника. Сторожиha школы, увидев их, пришла в ужас: «И кто же заставляет вас так мучиться?» — на что девушки ответили с достоинством: «Такая у нас работа».

По итогам трех экспедиций Лев Мазин защитил кандидатскую диссертацию. Александр Сорокин побывал со мной на Чукотке и Колыме, собрал богатые материалы и блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Позднее стали присоединяться к нам студенты из нашего и других педагогических институтов и университетов.

— Назначение педагогического вуза — готовить кадры для школ. Выпускник не просто биолог или зоолог, но прежде всего — педагог. Каким, на ваш взгляд, должен быть школьный учитель?

— От учителя требуется отличное знание предмета, непрерывное пополнение своих знаний, умение самостоятельно работать — найти нуж-

⁷ Допущена ошибка: Из насекомых была только коллекция бабочек. — Прим. Л. Н. Мазина.

ную литературу, сделать из неё выписки, систематизировать их, логично и доходчиво изложить! Учитель должен быть предан своей специальности, не просто интересоваться, но жить наукой, постоянно пополнять знания, хорошо представлять связи своей отрасли с нуждами и запросами народного хозяйства.

— Александр Петрович, однажды вы сказали: «Важно выйти в путь на заре». Ваша жизнь — тому подтверждение: докторскую диссертацию вы начали писать в 19 лет. Ну, а кто были ваши учителя?

— С детства мне везло на хороших людей. Я сибиряк, в семь лет осиротел, и старшая сестра привезла меня к себе в Тюмень. Часто заходил в краеведческий музей, потом самому стали поручать экскурсии по отделу природы. Ко мне с пониманием отнесся препаратор музея Андрей Михайлович Кузнецов, проводник знаменитого Брема, автора «Жизни животных». Его рассказы я был готов слушать день и ночь.

Не могу забыть Федора Филипповича Ларионова, преподавателя биологии Тюменского педагогического техникума. Он научил меня различать пернатых по голосам. К одиннадцати годам я знал латинские названия птиц.

— А что было потом?

— Потом... Муж сестры тяжело заболел, и по настоянию врачей они уехали с семьей на юг. В пятнадцать лет я остался совершенно один. Пришлось заботиться о существовании, думать о будущем. В краеведческий музей ходил по-прежнему. Однажды библиотекарь музея подарил мне книгу об Аскании-Нова. Прекрасные иллюстрации, увлекательные рассказы о животных этого редкого заповедника лишили меня покоя. Для себя решил: «Еду туда, стану зоологом». Библиотекарь дал записку, где сделать пересадку в Москве, где «приткнуться», если поезд задержится. Так 11 апреля 1930 года я впервые увидел Москву.

Узнав, что поезд на Украину уходит вечером, я сразу отправился в зоопарк. Ранним утром первой стретила меня... газель. Мы стояли по разные стороны забора. Она взглянула на меня огромными, влажными, испуганными глазами, и я забыл обо всем на свете, даже не заметил, как на мое плечо опустилась тяжелая рука рабочего зоопарка: «Что ты тут делаешь?» Он отвел меня к заместителю директора зоопарка по научной работе П. А. Мантейфелю. Петр Александрович отнесся ко мне подозрительно — решил, что я сбежал от родителей. Потом выделил мне место в лаборатории, за шкафами своего кабинета поставил мне кровать.

Радужно принял меня директор зоопарка Евгений Михайлович Климок — в прошлом дипкурьер, культурнейший человек и необыкновенно добрый. Он договорился, чтобы в столовой меня бесплатно кормили, и отдал мне продуктовую карточку жены. Директор приходил на службу к восьми утра и спрашивал меня: «Ну, как тут?» Было тихо. Слышно было, как гоготали казарки.

— Значит, Аскания-Нова так и остался мечтой детства?

— Прошел месяц. Мечтал стать зоологом. И вдруг неожиданная встреча с директором заповедника: «Ты Кузякин?» — «Да». «Собирайся: возьми с собой. Ведь ты хочешь у нас работать?»

В душе буря: радость и растерянность. Что делать? Нет сил расстаться с Москвой, со сверстниками и учителями, и так хотелось увидеть новые места. Потребовался совет дяди Пети» — про себя решил: «Как он скажет, так и поступлю». «Сам решай, — Мантейфель не любил навязывать свое мнение. — Однако учти, что там негде учиться. А мы не дадим тебе засидеться на месте». Так я и остался в Москве.

— *Помните, мы с вами встречались на 30-летию КЮБЗа (кружок юных биологов зоопарка). Собрались тогда биологи нескольких поколений. Кто и как воспитывал кюбзовцев в пору вашего отрочества?*

— Первый наш наставник, конечно же, профессор Мантейфель. Он приучал нас к самостоятельности, заставлял думать. Кружковцы (из КЮБЗа) активно помогали друг другу. Теперь из кружка юных биологов зоопарка выбывают сразу после окончания средней школы. А тогда туда ходили люди в возрасте от 14 до 28 лет. Каждый привносил в это общество что-то свое: один любил литературу, другой прекрасно ориентировался в природе, третий хорошо различал птиц по голосам, четвертый освоил художественный свист. Имелись среди нас любители театра, танцоры, певец-тенор, художник-карикатурист. Учились мы друг у друга и в общении с природой, а выходили из кружка не хуже, чем после вуза.

— *И о ваших увлечениях.*

— От зоопарка я побывал на Северном Урале, в Поволжье. В Туркмении добыл, обработал и привёз около 300 зверьков. Меня одного отправили в Ташкент закупать виноград для обезьян. После закрытия овощных баз я шел на ночевку в зоопарк. Там дали мне адрес преподавателя Ташкентского университета, который изучал летучих мышей. Я тоже занялся их сбором. Виноград отправлял багажом, а сам возвращался со сборами, которые хранил в лаборатории С. И. Огнева. Профессор Огнев познакомил меня с Николаем Алексеевичем Бобринским, с ним мне и поручили писать монографию о летучих мышах — началось мое увлечение и дело на всю жизнь: изучение рукокрылых.

Профессор МГУ С. И. Огнев предоставил мне место в своей лаборатории. Это место укоренилось за мной на 20 лет. В лаборатории находилась личная библиотека Огнева, его роскошная зооколлекция в 20 тысяч экземпляров. Только мне доверял Сергей Иванович копию ключа от лаборатории. Как-то там меня заметила комендантша и врезала второй замок. Утром Огнев извинился и попросил меня заказать ключ. Вновь регулярно ходил я в лабораторию, хотя жил по-прежнему в Балашихе, в студенческом общежитии.

— *Понятно такое внимание к упорному и дотошному юннату. Ведь ваши публикации появились в печати раньше, чем Саша Кузякин стал студентом?*

— Обработанные в лаборатории материалы я отдавал на редактирование С. И. Огневу. Как то еду к себе в Балашиху, ругаю себя за то, что в своей статье посмел раскритиковать шефа за нелогичность. Ночь не спал, едва дождался утра. Прихожу к Огневу забрать свой труд, а он, оказывается, отдал его без правки в издательство Московского общества испытателей природы. Так и вышла моя статья с критикой профессора Огнева.

Первые мои публикации — «Летучие мыши Ташкента», статья о биологии крота — появились прежде, чем я стал первокурсником МГУ. В университет меня перевели в 1935 году, а в 1934-м был подписан с Зоологическим институтом АН СССР издательский договор на монографию по рукокрылым для серии «Фауна СССР».

— Александр Петрович, ваш многолетний труд в МОПИ имени Н. К. Крупской, успехи в подготовке квалифицированных учительских кадров для школы и преподавателей вузов отмечены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, Министерства просвещения СССР, Министерства просвещения РСФСР. И ведь нынешние студенты учатся по вашим учебным пособиям?

— Более чем в тридцати странах мира, в том числе и в Америке, получил широкую известность «Определитель млекопитающих СССР». Труд солидный, почти пятьсот страниц, выдержал два (в 1944 и 1965 годах) издания. У него три автора: Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов и А. П. Кузякин. «Определитель» необходим биологу, как ружье охотнику. В мировой систематике наша страна заняла ведущее положение. Книгу «Летучие мыши» я начал писать в 19 лет. Позднее за этот труд мне была присвоена ученая степень доктора биологических наук.

— Говорят, в первую половину жизни человек берет, а во вторую — отдает. Как же профессор Кузякин повторился в своих учениках?

— На сегодня я подготовил тридцать пять кандидатов наук. Пятеро из них стали докторами наук, один — заслуженный деятель науки.

— Александр Петрович, что бы вы пожелали сегодняшним первокурсникам?

— С первых дней учебы в институте приобщаться к исследовательской работе!

Газета «Ленинское знамя», от 21. 09. 1986, с. 3